

А. Е. Снесарев

**Индия как главный фактор
в среднеазиатском вопросе**

Избранные статьи

Составитель А. А. Снесарев

Москва
2017

УДК 08:930
ББК 63.3(5):68
С53

Снесарев А. Е.

С53 Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи / сост. А. А. Снесарев, предисл. Л. Г. Ивашова. — М.: Кучково поле, 2017. — 400 с.; 32 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0754-8

В сборник трудов русского и советского военачальника и военного теоретика, действительного члена Русского географического общества Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) вошли работы по востоковедению и военным вопросам: важный труд «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе», а также статьи, очерки, выступления и аналитические материалы разных лет. Часть материалов публикуется впервые.

УДК 08:930
ББК 63.3(5):68

ISBN 978-5-9950-0754-8

© Русское географическое общество, 2017

Содержание

От составителя.....	7
Предисловие	9
Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе	
Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление.	12
Статьи по востоковедению	
Религия и обычаи горцев Западного Памира.....	119
Поездка в горную Бухару.....	137
Вопрос о Тибете	150
Пробуждение Афганистана	170
Англо-русское соглашение 1907 года.....	174
Экспедиция англичан в Индии.....	204
Железная дорога между Индией и Средней Азией.....	208
По поводу русско-английского соглашения.....	228
Англия и Афганистан.....	230
В Обществе востоковедения	234
Отношения к азиатскому миру	238
Практическое изучение Востока	250
Русский Восток как задача краеведного изучения.....	255
Статьи по военным вопросам	
Главная черта всех походов на Индию прошлого времени	271
Военное воспитание как искусство и как предмет преподавания.....	274
Единая военная доктрина	278
Поход Тамерлана против Тохтамыша в 1391 году	288
Смысл и задачи Центрального военно-статистического отдела	291

Два года во главе Академии	302
Военно-экономические перспективы Германии	310
Наш полевой устав на фоне зарубежных уставов	325
Гримасы стратегии	339
Десять лет назад.....	350
Послевоенные расчеты держав Антанты	357
Выступление в прениях по докладу М. А. Петрова «Малая война на море»	371
Война как хозяйственное предприятие	375
Именной указатель.....	390

От составителя

Издание сборника трудов Андрея Евгеньевича Снесарева задумывалось к юбилейной дате — 150-летию со дня его рождения, и ныне он выходит в свет при поддержке Русского географического общества. Имя этого военного и ученого, географа и философа, педагога и геополитика стало лучше известно в России в последнее время, пробудился серьезный интерес к его жизни и творчеству. Публикация сборника отдельных его трудов призвана ближе познакомить читателя с этим наследием и дать о нем непосредственное представление.

В состав сборника включены весьма разноплановые работы: важный труд «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе», статьи для специальных изданий, аналитические материалы, газетные очерки, публиковавшиеся в «Туркестанских ведомостях», «Голосе правды», интересное выступление в прениях по докладу М. А. Петрова и др.

При отборе материала для сборника составитель ставил перед собой задачу показать широту взглядов и подходов А. Е. Снесарева к рассматриваемым им вопросам, глубину разработки тем и ясность занятой при этом позиции. К сожалению, рукописи некоторых статей имеют утраты, но, несмотря на это, оставшийся материал представляет значительный интерес и также включен в сборник. Часть работ публикуется впервые.

Помимо большого труда «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» содержание работ структурно разбито на две части — работы по востоковедению и работы по военным вопросам. Внутри каждой из этих частей материалы расположены в хронологическом порядке. Выходные данные каждой из публиковавшихся статей указаны в ее конце. Источник впервые публикуемых работ указан также в конце текста.

Устаревшие формы написания слов в большинстве случаев заменены на современный вариант. Пунктуация приближена к современной, раскрыты применявшиеся автором сокращения. В некоторых случаях текст дополнен сносками составителя.

Для облегчения поиска сборник снабжен именованным указателем. Написание имен сохранено в соответствии с оригиналами статей. Имена в текстах, данные только на английском, французском или немецком языках, дополнены русской транскрипцией с сохранением оригинального иноязычного написания в скобках. Часть имен, упоминаемых в текстах кратко, в именованном указателе дополнена информацией об инициалах и иноязычной транскрипции для облегчения идентификации этих персонажей.

В качестве иллюстраций в сборнике использованы фотографии из архива семьи Снесаревых, часть из которых ныне хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург) и была любезно им предоставлена. Некоторые фотографии публикуются впервые.

А. А. Снесарев

Предисловие

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937)

Советский военачальник, ученый-востоковед, Герой труда (1928). На военной службе с 1888 г. Окончил Академию Генерального штаба (1899). С 1899 г. служил в штабе ТуркВО, участвовал в изучении и описании Ср. Востока. В Первую мировую войну командовал полком, бригадой, дивизией. В Гражданскую войну — военный руководитель СКВО, начальник Западного района обороны. В 1919–1921 гг. — начальник Академии Генштаба РККА. С 1921 г. — профессор ряда военных академий одновременно, с 1926 г. — военный руководитель вневойсковой подготовки Института востоковедения. В 1930 г. необоснованно репрессирован, в 1934 г. из-за болезни условно досрочно освобожден. Реабилитирован в 1958 г.

Военный энциклопедический словарь. М., 2002

В приведенной выше сухой энциклопедической справке тем не менее читается непростая военная судьба — боевой офицер и военачальник, исследователь, путешественник, талантливый публицист, педагог.

Генерал Андрей Евгеньевич Снесарев является выдающимся представителем русского офицерского корпуса. Именно русского, потому что советским военачальником он стал, уже состоявшись в армии Российской империи. Воспитанник военной школы генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина, создавшего систему подготовки офицеров-исследователей, А. Е. Снесарев обладал широким, я бы сказал, геополитическим кругозором, глубокими и разносторонними знаниями и являлся одним из образованнейших людей России. Решая задачи военной службы, он одновременно проводил глубокие исследования характера местности, климатических условий, природных ресурсов, коммуникационных возможностей территории. Особое внимание офицер-исследователь уделял изучению культуры и традиций народов, с которыми его сводила военная служба. При этом в его многочисленных работах на эту тематику прослеживается не просто статистично-бюрократический подход, а уважительно-

сострадательное отношение к человеку, глубокое проникновение в сущность истории и характер народа. Особый интерес Андрей Евгеньевич проявлял к Азии, где прошла значительная часть его военной службы. Как и Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Е. Снесарев был влюблен в азиатские горы, пустыни, стремительные горные реки, а главное, в людей, населяющих эти места. Иначе невозможно постигнуть их необычный для равнинного человека суровый характер, их божественную красоту. Средняя Азия, Индия, Афганистан, Тибет — сложнейшие регионы мира и для исследования, и для проживания. А Туркестан — самый трудный регион для военной службы.

Мне самому довелось родиться и вырасти в Средней Азии, послужить в Туркестанском военном округе (ТуркВО). В Ташкентском высшем общевойсковом командном училище, которое я окончил в 1964 году, бытовала притча: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. И мечтой многих (если не всех) советских офицеров было вырваться из ТуркВО. Но А. Е. Снесарев ощущал в этих краях некую загадочность, скрытую энергию, сакральные знания. Каким-то внутренним чутьем осознавал он и глубокий геополитический смысл борьбы за Туркестан — собирание народов Евразии в одно целое, но не в форме орды и методами ее ханов, а мирными способами и в единую семью народов. Хотя и повоевать довелось не раз. Да и служебные путешествия в Афганистан, Индию — это тоже своеобразные боевые действия.

Но, как представляется, главным делом А. Е. Снесарева была наука, которую мы сегодня повсеместно дразним геополитикой. Характерный пример: осенью 1903 года капитан А. Е. Снесарев сдал свой Памирский отряд новому командиру, а уже в январе 1904 на собрании офицерского состава Туркестанского округа и лиц гражданской администрации в Ташкенте выступил с научно-стратегическими докладами. Первый из них — по Индии. В нем А. Е. Снесарев провел глубокий исторический анализ попыток завоевать и покорить Индию и сделал стратегический вывод: «Будем помнить, что совсем недалеко от нас лежит Индия, опора британского могущества, а может, и вправду ключ ко всей мировой политике... Нужно ли в сотый раз повторять, что Россия не желает и не думает завоевывать Индию, хотя она признала и признает себя обязанной знать, как это делать... если судьбе будет угодно возложить на ее плечи это слишком тяжелое бремя». Второй его доклад назывался «Природа Западного Памира, религия и нравы его обитателей». Приведу буквально несколько фраз из доклада: «Таджики — есть одна из старых степеней развития арийской народности, один из наиболее чистых остатков этого племени... изучение их языка и обычаев... выведет самый вопрос об арийцах из сфер кабинетной замкнутости на почву практическую и осязаемую... На физической карте Азии Памир лежит в узле гигантских морщин земной коры — Гиндукуша, Каракорума и Тянь-Шаня, к Памиру как бы устремлено своим западным острием массивнейшее заоблачное поднятие, образованное плотной связкой Каракорума, Куньлуня, Тибета и Гималаев».

Сегодня трудно представить себе армейского капитана (да, пожалуй, и генерала) с таким широким научным кругозором. Но таков был офицер Российской империи капитан А. Е. Снесарев. Его описательные работы служили одновременно познанию

окружающего Россию мира, развитию и становлению русской геополитической школы, особенно в части выявления друзей, союзников и противников, формированию военной стратегии на неизведанных театрах военных действий.

Исследовал А. Е. Снесарев и характер поведения главного на тот момент противника России в Азии — Англии. Встречаясь с британскими офицерами, выявлял их сильные и слабые стороны, отношение к ним местных элит и населения, признавал превосходство Британии в этом регионе мира. Причину он видел в цельной долгосрочной политике Лондона, наложенной на строгую военную стратегию. Отчасти завидовал, но настойчиво искал и пытался донести до общества и властных институтов геополитическую важность работы в Азиатском мире, ибо здесь можно не только найти ответы на вопросы о прошлом, но и прогнозировать будущее.

Состоялся А. Е. Снесарев и как военный стратег, накопив боевой опыт не только в Туркестане, но и на полях классической войны — Первой мировой. И здесь вновь осмысление, осмысление, осмысление. После революции генерал А. Е. Снесарев не помышлял об эмиграции, а приложил свои знания опять же на пользу России, теперь уже советской. Начав с организации обороны Царицына, во второй половине 1918 года возглавил оперативное объединение советских войск на западном направлении. Через год участвовал в создании Академии Генерального штаба Красной армии и был назначен ее начальником. Но не забыл свое прежнее увлечение, даже влюбленность в Азию. Собрал подвижников изучения Востока, он организовал востоковедческое научное сообщество, использовал разворот советской власти к «угнетенным народам Востока», писал, выступал с научными докладами в разоренной стране. Развернул широкую научную деятельность в Академии Генерального штаба РККА, и здесь раскрылся его многомерный талант ученого, военного стратега, педагога. Добрый к людям, в чем-то даже наивный, страстно любящий свое Отечество, А. Е. Снесарев не постигал никогда тайн подлости, интриг, предательства. Конечно, он видел, не мог не видеть жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть, причем не только на фронтах Гражданской войны, но и внутри Советской власти, борьбу за власть над Россией. Ставший на сторону группировки И. В. Сталина, он был репрессирован сторонниками Л. Д. Троцкого. Такова судьба честного талантливого русского офицера и военачальника.

Сборник работ А. Е. Снесарева крайне необходим современной России, чтобы учиться мыслить системно, расширять кругозор офицера, глубоко и масштабно анализировать современную ситуацию. Думаю, читатель найдет для себя много не только интересного, но и удивительного в работах великого сына России А. Е. Снесарева.

*Л. Г. Ивашов, доктор исторических наук,
генерал-полковник*

Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе

**Взгляд туземцев Индии
на англичан и их управление**

Предисловие

В Англии часто говорят о незнании британцами Индии, и говорят об этом с худо скрываемой горечью и недоумением. Так высказывались Мэйн, Керзон, Стрэчей и многие другие. В этом случае ораторы, по большей части англо-индийцы, как называют служивших в Индии англичан, были совершенно правы. Несмотря на богатую литературу и на огромное значение Индии, большая публика метрополии имеет о ней лишь самое беглое и по преимуществу анекдотическое представление; можно безошибочно утверждать, что британские дети гораздо обстоятельнее знают римскую историю, чем настоящее и прошлое лучшей британской колонии.

Если направить подобный упрек на наших соотечественников, то придется лишь несколько сгустить краски, упоминая о том же незнании Индии. В Англии могут похвалиться хотя бы наличием обширной литературы, в России и этого сказать нельзя, так как на русском языке об Индии ничего нет, что можно было бы с полным правом назвать серьезным и дельным трудом.

Интерес к Индии со стороны русской публики всегда отличался непостоянством и непрактичностью: в шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия любили поговорить и почитать о факирах Индии и о разных ее чудесных, чаще выдуманных историях, а в новейшее время можно, скорее, натолкнуться на своеобразные политические мечтания о ненависти туземцев к англичанам, о рискованном положении последних, о надеждах индусов на Россию и т. д. Приходится называть это мечтаниями, потому что в основе их больше ленивых пожеланий, чем знаний. Вспомним, что в России пальцем не двинуто для ознакомления, хотя бы элементарного, туземцев Индии с нашей родиной.

Останавливаться на выяснении значения для нас Индии было бы слишком большой затеей, но мне хотелось бы высказать свое давнишнее убеждение, что заблаговременное и серьезное изучение этой страны, проливая ясный свет на среднеазиатский вопрос, спасло бы нас не один раз от печальных промахов в других частях, а прежде всего в средней части нашего огромного азиатского фронта. Быть может, мы сочли бы тогда пустой потерей времени пробиваться к Средиземному «озеру», насильно вызывая тем к жизни давно умершие идеалы Карфагена, Венеции, Генуи и других торговых республик, теперь так же

бедных или совершенно погибших, как и роль создавшего их славу моря; с другой же стороны, и на Дальнем Востоке мы, быть может, шли бы более размеренным и осмысленным шагом и не пережили бы недавнего позора. Не покажут ли хотя бы теперь наши неудачи на Ближнем и Дальнем Востоке тот центр тяжести нашей азиатской политики, который так давно и систематично нами упускался из виду?

Можно было бы сказать, что раньше в России как будто даже более интересовались Индией: у нас были переводы хороших работ о ней, были и свои удачные описания, теперь и этого нет. А между тем, как бы в укор нашему невежеству, литература об Индии в последнее время начинает обогащаться оригинальными трудами, вносящими новое и более глубокое освещение явлений ее, чем это делали раньше многочисленные, но узкие и однообразные работы британцев. Я могу упомянуть, например, полные интереса труды Науроджи Дадабхай, Ромеша Чандры Датта — туземцев, или работу Дигби — англичанина. Глубоко прискорбно, что эти работы совершенно никем не были отмечены в России.

Предлагаемая читателю книга имеет главной задачей вкратце ознакомить русскую публику с воззрениями туземцев Индии на англичан и их управление. Книга является близким и почти неизменным воспроизведением доклада, читанного мной 4 и 12 января сего года в соединенном заседании Обществ востоковедения и ревнителей военных знаний.

Так как я не располагал достаточным временем, чтобы расширить и полнее выяснить некоторые скомканные места или недомолвки, то счел нужным, по крайней мере, указать на те источники, в которых желающий мог бы отыскать или подтверждение сказанному в книге, или более обстоятельное изложение того, о чем пришлось сказать лишь мимоходом.

При создании и печатании этой книги мне оказали разнообразные услуги г. Ф. И. Грюнман, Н. А. Нотович, г. Джайа Рау и Б. М. Соловьев, за какую дружескую поддержку приношу им свою искреннюю и сердечную благодарность.

В заключение считаю необходимым упомянуть, что ни Общество востоковедения, ни его части — совет или среднеазиатский отдел не имеют никакого отношения к этой книге или к целям, ею преследуемым. За все сказанное в ней ответственен только ее автор.

*А. С. Лахта,
12 июля 1906 г.*

Глава I

Под среднеазиатским вопросом нужно разуметь сложную группу политических, экономических и других задач и интересов, распространяющихся на обширную территорию, носящую название Средней Азии. В последнюю входят наш Туркестан с Памирами, Афганистан и Белуджистан, Восточная Персия, Кашгария и, наконец, северная часть Индии, или собственно Индия. Если интерес какого-либо вопроса стоит в зависимости от глубины его содержания и от многочисленности и разносторонности составляющих его элементов, то среднеазиатский вопрос должен быть признан одной из наиболее интересных проблем нашего века, одной из тех задач, которые должны неустанно будить пытливость изучающего их и увлекать его мысль богатой сложностью своего содержания.

У среднеазиатского вопроса есть не только поклонники, есть даже свои фанатики. Таковыми можно считать теперь покойных англичан Мак-Грегора и Роулинсона, еще живущих Бульжера и венгерца Вамбери. Недавно покинувший пост вице-короля Индии лорд Керзон принадлежит также к числу горячо интересующихся этим вопросом. Осенью 1899 года, когда я имел случай в Симле представиться лорду Керзону, он и передо мной, скромным русским капитаном, не удержался, чтобы не обмолвиться фразой по поводу своей любимой темы. «Среднеазиатский вопрос, — сказал при этом вице-король, — принадлежит к разряду тех, которыми никогда не устанешь заниматься». В чем же состоят интерес и содержание этого вопроса?

Три века тому назад Россия и Англия начали проникать на территорию огромного материка Азии: первая — с запада, вторая — с юга; поступательные движения обеих первоклассных стран, сильно различающиеся по мотивам и руководящим причинам, но значительно сходные по внешним признакам, каковы, например, одинаковость политических и военных поводов, движение по линиям наименьшего сопротивления и т. п., привели их в первой половине прошлого столетия к политическому соприкосновению на театре Средней Азии; в некоторых же частях последней, а именно в районе Восточного Гиндукуша, на юге Памира, произошло и географическое

соприкосновение¹. С момента последнего вся прежняя энергия держав, уходящая раньше на многотрудное поступательное движение, вызывавшее политическое или дипломатическое состязание, работы разведывания, войны, перешла — можно бы сказать, конденсировалась — в состязание двух теперь сблизившихся держав за политическое преобладание и будущее владение над Средней Азией. Картина борьбы разнообразится тем обстоятельством, что страны-соперницы резко различны между собой, вследствие чего, естественно, склонны применять разные приемы борьбы и каждая по-своему освещать положение дел.

Но вопрос среднеазиатский был бы все-таки слишком прост и примитивен, если бы все сводилось к одному лишь состязанию двух европейских держав, судьбе угодно было сделать вопрос более сложным. Обе европейские волны, представляемые нашей родиной и Англией, двигаясь по материку Азии, катились не по мертвому безжизненному пространству, они на своем победоносном пути крыли старое, более древнее, чем Европа, азиатское дно, но, покрыв его и даже до некоторой степени заглушив своей мощью, культурой, своими техникой и золотом, не убили его окончательно. Азиатский мир продолжал жить своими старыми устоями, храня в глубине своих преданий и миропонимания упорную мысль об иных идеалах, ином жизненном укладе и религии; время от времени, уже подчинившись европейским державам, этот мир решительно и пылко проявлял себя против одной из победительниц, иногда даже с частичным успехом. Нередко им пользовались в делах получения военного или политического перевеса, особенно часто делала это Англия, более гибкая в своих политических приемах. Вообще же по силе влияния на общий ход борьбы России и Англии азиатский народ занимал неизменно низкое и подчиненное положение. Повторяю, азиатский мир не уничтожен, и его физиономия осталась прежней, в среднеазиатском вопросе его надо считать третьим фактором, усиление которого и будущая роль должны быть признаны несомненными.

Итак, резюмируя вкратце сказанное, энергия поступательного движения России и Англии переходит в соперничество по сближении этих стран до политического соприкосновения, причем перекрещивание интересов совершается на фоне самобытного, продолжающего существовать и восходящего в своем значении азиатского мира.

Такова суть среднеазиатского вопроса. То обстоятельство, что одной из стран, к нему относящихся, является Индия — основа богатства и могущества Англии, придает вопросу страстный и нервный оттенок, как об этом скажу более подробно ниже.

¹ От бухарского кишлака Наматгута (в Вахане) до вершины перевала Шит-рака (в Восточном Гиндукуше, по хребту которого идет индо-афганская граница) день пешего горного хода, то есть 12–15 верст. См.: Сведения штаба Туркестанского военного округа. 1903. № 10 (статья хорунжего Голявинского «Перевалы Борогильской и Даракской групп»).

К сожалению, явления Средней Азии, как я упомянул, очень сложные, сделались предметом выяснения не людей науки, не объективных и холодных толкователей, а прежде всего политиков и националистов. Занимались не спокойным изучением того, что есть и как слагались и взаимодействовали определявшие обстановку факторы, а упорно искали то, что нужно было, что было выгодно, принимая и то и другое за точки отправления для политических и военных предприятий. Изучением стран и народов руководили главным образом политика и те или иные из ее соображений.

Такой прием менее всего был пригоден, чтобы выяснить истину, он, скорее, затемнял ее даже там, где она почти прорывалась наружу.

Пока дело шло о древних монетах, о топорах, о распространении буддизма, все обстояло благополучно, и наука работала нелицеприятно, но едва только вопросы придвигались к более поздним событиям и начинали касаться областей политики или, в частности, военного дела, появлялись на сцене политическое лицемерие, утайка и даже извращение фактов. Доклады путешественников, несомненно, обильные разнообразным материалом, урезывались и выкраивались так, что от них оставались самые бесцветные отрывки. Эти отрывки — заметим как курьез — опубликовывались нередко с заглавием, относящимся к полному содержанию, вызывая у читателей, незнакомых с цензурными операциями, большое недоумение.

Насколько делу мешали политика и неразлучная с ней тайна, поясню несколькими примерами. Попробуйте задаться вопросом о продовольственных средствах Афганистана или его путях, перечитайте все книги и брошюры (исключая, конечно, секретные), и вы, вероятно, не без удивления, заметите, что по этим существенным отделам народоведения нет отдельных обстоятельных глав, а порою нет даже упоминания. Попадают, конечно, гамлетовские «слова, слова и слова», но, витая около вопроса, они не затрагивают его существа и не дают возможности сделать практически пригодные выводы. Если иной ученый случайно прорывался в печать с нежелательными описаниями, то и тут умели вовремя сделать малоценными его указания. Так, есть богатая содержанием книга майора Раверти под заглавием *The notes on Afghanistan*², но она сделана полусекретной, кроме того, при ней нет карты, быть может, ее не разрешили напечатать. Расстояния в книге выведены в косах (местной мере протяжения), всюду миллион названий кишлаков и нет картографического приложения! Такая книга может только взбесить читающего и отбить у него всякую охоту вообще заниматься маршрутами по Афганистану.

Как извращалась истина, могут показать такие примеры. Склоны Памирского нагорья заняты целой группой небольших стран, представляющих по формату управления большое разнообразие, начиная от маленькой республики и кончая деспотией с полубогом на престоле. Их международное

² *Raverty (Major H. G.). Notes on Afghanistan and part of Baluchistan. London, 1880. T. 3–4. Part 4.*

по отношению к небольшой группе соседних государств положение, отчасти, правда, невыясненное, было, во всяком случае, таким, что его с большой лишь натяжкой можно было бы подводить под ту или иную формы установленных в науке взаимоотношений двух государств, некоторые же из этих стран были, несомненно, вполне самостоятельными до последних дней истории. Как же определяли европейские соперницы международное положение этих небольших государственных телец? Так, как требовала текущая задача политики. Бадахшан, искони самостоятельное государство³, по воле англичан был сделан вассалом Афганистана; Рушан, Шугнан и Вахан, три небольшие страны на Западном Памире, жившие политическим равновесием между соседними Дарвазом, Бадахшаном, Читралом и Канджутом, наподобие нынешней Турции среди держав Европы, по воле России считались принадлежавшими, хотя бы в близком прошлом, кокандскому хану⁴, а Англия ставила их в зависимость от Бадахшана. В КанджUTE англичане хотели видеть вассала Кашмира⁵, а Китай считал КанджUT принадлежавшим себе⁶, к каковому взгляду примыкала и Россия, на самом же деле и то и другое толкование по существу были неправильными или, по меньшей мере, являлись сильными натяжками.

Как бы это ни было больно для национального самолюбия, но надо признать, что политическая победа в Средней Азии почти всегда оставалась за Англией и наше положение, как ныне, так и прежде, по сравнению с английским, было невыгодно. Не только наше естественное и давно намеченное движение к теплой воде Индийского океана пресечено Англией и ныне сделано почти невозможным, не только мы не добились в Афганистане одинаковых прав с Англией, которая, заметим, кстати, на двадцать лет позже нашего сблизилась с ним свои границы, мы оказались настолько политически слабыми, что согласились на самое неестественное отношение к Афганистану и создали с ним самую невероятную границу.

Причины подобных неудач для нас лежат в большей культуре Англии, в ее несравненном с нашим богатстве и, наконец, в большей гибкости и разнообразии ее политических приемов. Может быть, славянин и не уступает англосаксу в *природном* политическом даровании, но в смысле развития его Англия как нация и англичанин, в частности, стоят значительно выше России и русского.

³ В подтверждение см.: *Leitner*. Dardistan in 1905. London. III. P. 3–9.

⁴ Хорошо изложен вопрос у Вилера (*The Ameer Abdur-Rahman*. London, 1895. P. 181–190). Характерно, что выгодная для России, но сама по себе ошибочная мысль дошла даже до Европы. Так, мы ее встречаем повторенной в статье авторитетного генерала Крамера (*Die Pamir-Frage // Asien*. 1901, November).

⁵ Интересно отметить, что в смысле привития желательных для Англии политических или исторических фактов большую роль играют пионеры из британских путешественников. О том, как они старались проповедывать о КанджUTE, см., например: *Deasy*. In *Tibet and Chinese Turkestan*. London, 1901. P. 120, 236, 355–356; *Cobbold R. P.* *Innermost Asia*. London. P. 307.

⁶ *Зайченко З. И.* Памиры и Сарыкол // Сведения штаба Туркестанского военного округа. 1902. XXXIV–XXXV.

Трудно удержаться от чувства зависти, когда приходится наблюдать английского поручика, попавшего в Гиндукушских трущобах в какую-нибудь политическую передрагу. Как много всегда смысла и такта в каждом его шаге, как цепко действия его согласованы с интересами родины! Не то пришлось бы сказать о действиях наших соотечественников. Сами англичане с плохо замаскированным злорадством говорят, что полковник Громбчевский отдал им Канджут, а полковник Ионов событием у Сома Таша⁷ вызвал сближение между Афганистаном и Англией и отдал последней по Дюрандовскому договору территорию Сулеймановых гор. В этих объяснениях есть доля натяжки, может быть, значительная, но наличность политической подготовленности у упомянутых двух офицеров все же подвергается некоторому сомнению.

Подобное культурное преимущество, делавшее Англию сильнее нашего в состязании на среднеазиатском театре, сказывалось и в других сторонах дела. Англия в основе всех своих задач и предприятий полагала прежде всего принцип самой полной осведомленности. Сначала все знать, глубоко и обстоятельно, а затем уже позволять себе желать и ставить задачи. Англия изучала Среднюю Азию с полной внимательностью и, как можно догадываться, по широко обоснованной программе⁸. Английские офицеры, ряд путешественников-добровольцев и, наконец, целая сеть темных работников, фамилии которых были скрыты под начальными буквами алфавита и которые в Европе известны под именем пундитов, искрестили территорию Средней Азии по всем интересным направлениям. Денег на это, конечно, не жалели. Проследим для пояснения этой крайне интересной стороны дела, как начались эти работы.

Более систематические рекогносцировки Средней Азии открылись в 1809 году миссией Эльфинстона, в которую входила целая группа исследователей⁹. В начале двадцатых годов, то есть десять лет спустя, Афганистан проехали Муркрофт и Требек, в конце тех же годов — Массон и Стирлинг, в тридцатых — Винь и знаменитый Бёрнс, сопровождаемый доктором Лордом, лейтенантом Вудом, поручиком Личем и секретарем Магон-Лалем, в 1842 году в Бухаре были казнены два английских исследователя, Стоддарт и Конолли... Приходится удивляться как заблаговременности исследования, так и выбору исследователей и упорной энергии властей... Замечу к слову, что за три века до этого, при узбеках,

⁷ 12 июля 1892 года, когда был перебит афганский пост, располагавшийся у озера Яшиль-куля. Летом 1893 года Абдурахман, бывший до того в очень натянутых отношениях с Англией, вдруг изъявил желание принять британскую миссию в Кабуле. Результатом миссии был Дюрандовский договор.

⁸ В какую вероятную форму вылилась эта программа с восьмидесятых годов прошлого столетия, можно видеть по сочинению Мак-Грегора «Оборона Индии» (Сборник материалов по Азии. Вып. XLIII, XLIV).

⁹ Упомяну такие, например, имена: Р. Стрэчей, Фрэзер, Макартней, Коннингейм, Ирвин. Написанный членами миссии труд *An account of the kingdom of Caubul* (London, 1815) не потерял цены и теперь, девяносто лет спустя.

первый европеец, посетивший Маверраннагр, то есть пространство между Аму-дарьей и Сырдарьей, опять-таки был английский купец Дженкинсон.

Если сравнить одновременные наши наследования, то они едва ли выдержат сравнительную критику. Исследования были редки, лишены всякого размаха и системы, в Афганистан кто-либо из русских и совсем не попадал. Были ли какие практические, вне чистой науки лежащие результаты от наших работ, я боюсь утверждать, знаю, что было много нивелирования, увлечений кабинетными вопросами, как, например, впадала ли Аму[дарья] в Каспий или нет, но едва ли дело подходило ближе к насущным задачам¹⁰.

Приведу еще образчики английской обстоятельности исследования. Незадолго до нашего соглашения с Британией в 1873 году сами собой намечались некоторые вопросы относительно Афганистана, требовавшие настоящего выяснения; один из них сводился к тому, был ли Бадахшан самостоятельным государством или кому-либо подчинен и что вообще представляло собой это государство... И вот британцы в эту маленькую страну в течение одного-двух лет посылают четверых или пятерых разведчиков, не считая тех неведомых, которые или погибли, или не попали на страницы географического журнала¹¹. Мы начали задумываться над вопросом лишь тогда, когда последовал официальный запрос из Петербурга в 1872 году относительно некоторых стран. Впрочем, англичане так и не дождались наших исследований.

В 1891 году¹², когда полковник Ионов с небольшим отрядом двигался по Памирам, в двух переходах за ним следовал лейтенант английской службы Дэвисон, впереди находился капитан Юнгхесбенд, со стороны Кашгарии за русскими наблюдал Макартней, а в тылу, в Алайской долине, при генерал-губернаторе бароне Вревском находился еще один рекогносцер, третий секретарь великобританского посольства в Петербурге Эллиот, развлекая доверчивого представителя русской власти и его свиту своей оригинальностью и рассказами. Значит, небольшой отрядик полковника Иопова был конвоирован четырьмя английскими разведчиками. Нужно ли дополнять для сравнения, что ни при одной английской экспедиции ни на северо-западной границе Индии, ни на северной никогда ни одного русского не бывало.

Благодаря настойчивому применению принципа самой широкой осведомленности¹³ англичане получали в свое распоряжение относительно

¹⁰ Что мы знали о Средней Азии накануне нашего вторжения в нее в шестидесятых годах, в какой мере точны и обстоятельны были наши сведения, можно хорошо видеть из книги М. Н. Галкина «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю» (СПб., 1868. С. 336).

¹¹ Перечень приводится в *The Journal of the Royal Geographical Society* (Vol. XLII. London, 1872).

¹² *Зайченко З. И.* Памиры и Сарыкол // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1902. Вып. XXXIV. С. 35–47.

¹³ Желаящих подробнее ознакомиться с более поздними рекогносцировками англичан в Средней Азии отсылаем к специальному труду Марвина (*Reconnoitring Central Azia*. London, 1885).

Средней Азии огромный материал, выкраивали из него тот узор, который им был нужен, и били нас всегда обилием и разнородностью фактов, которые нам приходилось молчаливо признавать. Не останавливаясь на вопросе, что делалось нами в более близкое к нам время в целях изучения Средней Азии, приведу лишь сильные, но и справедливые слова П. А. Риттиха, сюда относящиеся¹⁴. «Основным принципом военной готовности государства, — говорит автор, — служит его осведомленность о соседних государствах. В этом отношении в Туркестане мы оказываемся, как и в Маньчжурии, совершенно несостоятельными, так как *Афганистана и Индии мы не знаем и не желаем знать*»¹⁵.

В результате подобного порядка вещей физиономия Средней Азии всегда обрисовывалась в том духе и оттенках, как то было желательно англичанам, русская оценка всегда уступала английской. Я буду еще иметь возможность коснуться этой темы ниже, теперь же замечу, что преобладание английского понимания событий в Средней Азии над нашим давало о себе знать даже в Европе. Все то, что в последней было написано, даже французами, очень часто носило несомненную печать английского влияния. Правда, солидных трудов, кроме тех, которые относились к древностям Средней Азии, написано в Европе (не считая Англии) немного, но много было небольших книг, брошюр, много газетного материала... все это проникнуто было освещением, пропущенным сквозь британские призмы. Только в новейшее, совсем недавнее время появилась тенденция освободиться от этого своеобразного британского ига. Так, во вступительной статье к французскому журналу *Comité de l'Asie Française*¹⁶ в числе причин, вызвавших основание его, встречается между прочим и тот странный на первый взгляд мотив, который имел в виду избавление французов и вообще читателей от ига английских осведомленности и освещения по отношению к Азии.

Чтобы в дальнейшем было понятно, почему толкование англичанами нашего поступательного движения в Азии и нашей здесь политики не может быть признано приемлемым и отвечающим действительности, надо хотя бы в немногих словах охарактеризовать это движение. При оценке поступательного движения русских в Азию впадают, по моему мнению, в две крайности: или говорят слишком коротко и в общих чертах, желая усмотреть в движении нечто стихийное и, значит, не подлежащее определению в более узких и определенных рамках, или наоборот приводят длинный ряд причин для такового движения — политических, этнографических, экономических и многих других, включая чуть ли не метеорологические. Трудно примириться как с ничего

¹⁴ Риттих П. А. Афганский вопрос. СПб., 1905. Брошюра напечатана на правах рукописи. Выдержку и выноску делаю с разрешения автора.

¹⁵ Курсив автора.

¹⁶ См. руководящую статью: *L'oeuvre du Comité. Bulletin du Comité de l'Asie Française*. 1901, Avril. P. 2.

не объясняющей догматичностью в первом случае, так и с чисто внешней игрой в обстоятельность изложения или в систематизацию во втором.

Более даровитая политически и более устойчивая вообще ветвь славянского племени — русский народ, которой суждено было создать историю, очевидно, не могла довольствоваться Великой российской равниной для окончательного самоопределения в пространстве. Хотя размеры равнинной площади и были достаточны для простого пропитания, но этой же площади были присущи другие недостатки, делавшие ее неудовлетворительной в качестве территории великого государства: естественное однообразие равнины ограничивало виды народного труда и не давало места некоторым отраслям его, как, например, горной промышленности; территории недоставало теплого океана, сомнительны и ненадежны были границы и т. д. Равнина довольно быстро собрала в общую семью отдельные племена, разбросанные по ее поверхности, но лишь только народ перестал удовлетворяться ролью земледельца, пастуха и зверолова, живущих отдельными родами, и начал переходить к более сложным формам общежития, равнина оказалась для него тесной, и с этого исторического момента царство русское начало расpirать во все стороны, систематически и непреклонно. Много столетий велся этот процесс искания великим народом более обширной и более разнообразной по содержанию площади для создания окончательной территории, и этот процесс, быть может, не закончился еще и ныне.

Но приведенной причины недостаточно, чтобы вполне выяснить природу нашего поступательного движения в Азии. Есть еще одна причина, которую можно было бы назвать стремлением к власти. Под последним приходится понимать тот постоянный внутренний импульс, который побуждает как отдельные личности, так и целые государства расширять сферу своего влияния, овладевать более слабыми, выполнять пословицу «большому кораблю — большое плавание». В английской литературе попадает упоминание об этом стремлении к власти, когда исследователи стараются уловить идейную сторону общего процесса завоевания англичанами Индии.

Я считал бы необходимым добавить и эту вторую причину, так как приведенная выше первая, как я сказал, не охватывает всех сторон движения. Такие случаи, как завоевание нами Памира, только и могут быть осмыслены, выясняя явления в общем, как один из отдельных случаев непреклонного и почти инстинктивного стремления к власти.

На севере мы без труда дошли до холодной линии океана, но льдины, заковывающие его три четверти года, не обещали нам чего-либо выгодного. На западе славянский народ давно столкнулся с сильным германским племенем и должен был не только остановиться перед этим одинаково могучим противником, но даже уступил ему некоторые из своих исконных мест; в этой же борьбе он потерял и часть своей семьи в лице чехов, поляков и других племен, оторванных от общей славянской массы и затерявшихся на западе.

На юг мы пробивались всегда с большим упорством и более сознательно, в этом направлении нас особенно тянули к себе Средиземное море и колыбель

нами воспринятой религии и культуры — Византия, но в XVII и XVIII веках мы сталкивались здесь с сильными и находившимися тогда на пике своего могущества османами, а в XIX веке, когда Турция постепенно слабела, мы в южном направлении встретились с ее пособниками Англией и отчасти Австрией. В новейшие дни, как известно, на страже Босфора появился еще новый часовой в лице Германии.

Подобные преграды на севере, западе и юге заставили народную энергию искать другого исхода и других путей. Русскому народу оставалась Азия, и он рванулся в нее по всем возможным направлениям, этих направлений издавна существовало три: прямо на юг — через Кавказ, на юго-восток — через Киргизские степи и далее к Индии, на восток — по Сибири к Великому океану и Китаю.

Азия для русского народа, спертого со стороны запада и Северного океана, представляла несравненно меньшее препятствие, чем Европа. Коренные жители Азии, народы финского, монгольского и тюркского племен, были малочисленны, разбросаны или раздроблены, подавлены неприветливой природой и по многим причинам не были подготовлены, а может быть, и совсем не годились для роли долговечного исторического народа, поэтому они не могли представить собою той преграды, которая встречала нас на западе и юго-западе.

Наше движение на восток было так естественно, раз русскому народу суждено было сделать историю, что возникает вопрос, почему это движение мы начали так поздно, только с XVI столетия, почему на материке Азии нас могли предупредить другие народы Европы, хотя бы, например, французы или англичане. Ответ на такой вопрос получится едва ли скоро. Темная и мало-разгаданная Азия, словно сфинкс, стоит преградой на пути решения тех задач, в которых заинтересованы Азия и Европа вместе. Нас ждут, быть может, совершенно неведомые горизонты, перед нами встанут совершенно иные картины, когда будут прочитаны некоторые из загадочных страниц азиатской истории; когда, например, будут поняты те три волны, протекавшие с востока на запад, гуннская (ряд народов — готы, аланы, гунны, авары), монгольская (Чингиз-хан и его родичи) и тюркская (Тамерлан и его родичи), из которых первая или прорвалась через славянскую народность, или осадила ее на территорию нынешней России, а другие две разбились о последнюю, как о мощную плотину. Мы начали наше движение тогда, когда последняя из этих волн была выдержана славянами, а затем и разбита, и открыла нам ворота в Азию.

Можно ли во всех трех приведенных выше движениях усмотреть крайнюю цель, конечную точку, к которой двигались? Безусловно нет. Это движение не направлялось на какой-либо фонарь, вроде Индии¹⁷ или Китая, а просто туда, где

¹⁷ Правда, мечтательные помыслы завязать торговые сношения с Индией встречаются нередко, и для этого рано изыскивались пути. Так, с этой целью еще в 1520 году приезжал в Москву генуэзец Павел Центурионе, а в 1537 году венецианец Марко Фоскарини. Если верить свидетельству безымянного сочинителя *Relatione dell Imperio di Moscovia*, упоминаемому Ханьковым, мысль об отыскании торгового пути в Индию занимала уже Иоанна IV. Но это были думы одиночных людей, близкие к фантазии, скорее, похожие на мечтания. Как на интересный

прежде всего было легче пройти. Ермак, один из видных работников на китайском направлении, так же мало помышлял о царстве Богдыхана, как и Черняев, взявший сотысячный Ташкент с двухтысячным отрядом, выцеливал Индию.

Первый большой водораздел — Уральский хребет — мы побороли быстро и без труда, но зато перед вторым — Кавказским хребтом — мы простояли несколько столетий, хотя частичным образом пробивались сквозь него неоднократно.

На юго-восточном направлении, которого я коснусь теперь преимущественно, давно¹⁸ между царями московскими и соседними ханами Хивы и Бухары велись сношения; правители пересылали друг другу подарки и обменивались приветами, но это были сношения чисто торговые, хотя по старому и вполне естественному порядку при каждом посольстве находился человек, проводывавший о всяких делах, не имевших торгового интереса. Все эти дворяне, купцы и других чинов люди¹⁹ — Хохлов, Аниса Грибов, Федотов, Муромцев, Пазухин, Маленький и другие, которых было так много в XVII столетии, были явные представители торговых интересов.

Петр Великий двинулся в Среднюю Азию более активно и сознательно, так что даже дал повод создать в Западной Европе легенду о мнимом завещании своим потомкам: в этом завещании великий царь будто бы рекомендовал потомству добывать Индию²⁰. Но просмотрите его знаменитый указ князю Черкасскому и те задачи, которые намечал царь экспедиции в Хиву (1714–1717)²¹. В этой программе можно дивиться могучей энергии и неугомонному порыву руководителя, но было бы натяжкой приписывать программе поползновения, идущие далее торговых связей²², да разве, быть может, постепенного накладывания царской руки на прерогативы хана хивинского. В указе говорится и об Индии

образчик подобного рода, тяготевший к Индии, укажу на малоизвестное сочинение Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», написанное в 1763 и изданное в 1847 году, а затем во второй раз в 1854 году (СПб., 1854. С. 1–150).

¹⁸ Уже в 1364 году встречаем показание летописцев о присутствии в Нижнем Новгороде многочисленных бухарских и хивинских торговцев.

¹⁹ Более подробно см.: Записки Географического общества. Кн. V. 1851; Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, составленная Н. В. Ханьковым. С. 282–313; *Минаев И. П.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879. С. 217–228.

²⁰ См. у А. И. Макшеева в «Историческом обзоре Туркестана и начале движения в него русских» на странице 46 есть беглое упоминание о легенде. Англичане любят повторять про эту так называемую «волю Петра Великого», хотя более спокойные, как, например, Скрайн (*The Heart of Asia*. London, 1899. P. 409), признают ее не более как подделкой.

²¹ Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. Д. 1714–1718. С. 197–506; Пункты 14 февраля 1776 года. С. 213–215.

²² Голиков говорит об этом вполне определенно: «...проницание его (то есть Петра) видело, что если и не найдется искомое в реках тех (в Хиве) золото, то, по крайней мере, найден будет новый способ к получению оного посредством торговли через те страны с самой Индией». (История деяний Петра Великого. 2-е изд. Т. V. С. 235.)

(рекомендуется исследовать к ней водяной и сухой пути), но пункту о ней предшествует наказ осмотреть золото, плывя по Сырдарье-реке вверх, до Иркети-городка, а далее следует пункт о том, чтобы, «будучи у Хивинского хана, проведать и о Бухарском, не можно ль его хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести». Нельзя ошибаться относительно этой программы. Раз остановились на мысли послать столь дорогую и рискованную экспедицию, надо было использовать ее вовсю. Действительно, царская программа широка: в ней и исследование Амударьи, ее устья и течения, и поползновение на Хиву, и золото, и пути в Индию, и речь «о пряных зельях и о других товарах»... Но все это еще очень далеко от «организованной попытки стать прочной ногой в Средней и Южной Азии», как проповедают²³ английские исследователи.

В прошлом столетии наше движение в Средней Азии носило более крупный и организованный характер и закреплялось регулярной вооруженной силой, но по существу оно оставалось прежним, и разницы между Ермаком и Черняевым решительно нет никакой. Как и в более ранние времена правительство принимало или очень слабое, или очень запоздалое участие в событиях. В одном из документов, опубликованном по мысли нашего Министерства иностранных дел²⁴, есть очень слабый намек на какую-то планосообразность наших действий в Средней Азии, но с этим трудно согласиться всякому, кому знакомы картины нашего движения более близко и интимно.

При этом я должен оттенить то важное обстоятельство, что с момента более близкого столкновения наших интересов в Средней Азии с английскими обстановка резко изменилась для нас к худшему. Мы столкнулись со страной, носившей в себе так же ясно выраженное стремление к власти, как и наша родина, но противник наш не довольствовался этой стихийной причиной и в своих действиях связывал ее с известной системой, заблаговременным распорядком, планом. В то время как мы шагали по-старому, вкривь и вкось, то беспричинно топчась на одном месте, то преждевременно зарываясь вперед, Англия работала планомерно, пользуясь той совокупностью средств, которые ей давали культура, деньги и политическая осведомленность.

Если раньше мы делали промахи, то, имея дело с несравненно слабейшим против нас противником, мы скоро и выправляли все эти промахи, теперь же картина сделалась иной... Англия промахов нам не прощала и никогда не упускала их из виду: в борьбе на среднеазиатском театре они все шли нам на минус. Проще говоря, в борьбе с Англией России и ее сынам недоставало политической развитости и, как прямого следствия отсюда, планосообразности в действиях.

Я чувствую, что не должен был бы ограничиться лишь намеком на то, что характер наших поступательных движений на восток и юго-восток мне рисуется

²³ Например: An Indian Officer. Russia's march towards India. Vol. I. London, 1894. P. 33.

²⁴ Афганское разграничение (переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885). СПб., 1886.

сходным, и если отличным, то не по существу, а лишь по внешней форме. Мне следовало бы об этом распространиться особенно потому, что противоположное и вполне решительно выраженное мнение встречается даже в курсах, предназначенных для слушателей²⁵ высших учебных заведений, но опасение отвлечь внимание читателя от главной темы удерживает меня от этой задачи. Скажу вкратце, что инициатива дела, понимание обстановки, обсуждение и подготовка средств, отыскание или придумывание поводов, словом все, что рождало какой-либо военно-политический план, что развивало, заканчивало и проводило в жизнь его, — все это находилось в руках среднеазиатских атаманов, какими были Колпаковские, Черняевы, Крыжановские, Романовские, Абрамовы, Скобелевы, Ионовы и многие другие... Петербург всегда лишь расписывался задним числом, смотрел глазами и слушал ушами тех же среднеазиатских атаманов. Если при этом работали не казачьи банды, а регулярные отряды, то в этом нельзя видеть существенную разницу. Более сплоченные и могущественные тюркские державы Средней Азии, естественно, требовали более сильного удара.

На сибирском театре картина была совершенно та же: здесь подобным же образом, как генералы в Туркестане, действовали Ермак, Василий Поярков, Ерофей Хабаров, воевода Пашков и другие. Правительство, как и в Средней Азии, сначала ограничивалось лишь пассивным одобрением, а когда дело дошло до столкновения с Китаем, то отношение правительства стало более активным и разнообразным, как это было и в Средней Азии после столкновения с Англией.

Раз в основе наших наступательных движений в Азии лежали две общие обрисованные выше причины, то вопрос о поводах является делом второстепенным; они обыкновенно были самые разнообразные, чаще всего те, что были, так сказать, под рукой, или те, которые соответствовали характеру и специальности местных деятелей, руководивших движением: были поводы и торговые, руководившие новгородцами или охотниками до соболя или золота, и разбойничьи, толкавшие вперед Ермака Тимофеевича, и культурные, побуждавшие к просветительной работе Стефана Пермского, Н. И. Ильминского и им подобных; немалую роль в качестве повода играли честолюбие Черняевых, Скобелевых и пограничные распри и многие другие факты, вплоть до воровских шалостей соседних кочевников.

Дополню сказанное еще нижеследующим. Едва ли не самую характерную особенность в нашем наступательном движении как в Сибири, так и в Средней Азии составляют отсутствие плана, системы и почти, как я уже говорил, безучастное отношение к нему правительства. У местных деятелей был, несомненно, известный план действий, та или иная приспособляемость к обстановке, но этих данных оказывалось недостаточно, когда надо было опираться на более широкую осведомленность и на более строгий и обстоятельнее задуманный план.

²⁵ Например: *Золотарев А. М. Записки военной статистики России*. СПб., 1894.

Особенно в XVI–XVII столетиях движение являлось делом чисто народным. Так, новгородцы занимали север до Каменного пояса без *новгородского слова*, то есть без предварительного разрешения веча, правительства. По свержении татарского ига беглый русский люд выселялся за окраины государства и расширял таким образом его пределы. Ермак со своей разбойничьей шайкой бежал с Волги от преследования Иоанна Грозного, но потом поклонился царю Сибирским царством и получил за это прощение и шубу с царского плеча. Дальнейшее занятие Сибири велось казаками и промышленниками также без заранее составленного правительством политического плана.

В XIX столетии в Средней Азии правительство начало действовать более активно с той поры, когда наше движение стало на всех пунктах сталкиваться с противодействием Англии, но оно довольствовалось оборонительными мерами, противилось наступательным предприятиям, главным же образом его роль сводилась к оправданию и дипломатическому оформлению дела, уже законченного русскими генералами. В тех же случаях, где правительство думало систематизировать наши наступательные операции, как, например, в подготовке экспедиции в Хиву, оно не проявляло чутья, присущего народным пионерам в деле завоевания, комбинировало неудачу, да к тому же попадалось в дипломатическую западню, которую Британия заготовляла нам в предвидении продуманной и планообразной экспедиции. Под западней в данном случае я разумею наше неудачное соглашение²⁶ 1873 года с Англией о так называемом разграничении сфер влияния в Средней Азии.

Где же закончились наши движения в Азии? Пределы их вновь подтверждают наличность принципа наименьшего сопротивления. На восточном направлении, где туземцы не могли оказать нам почти никакого сопротивления, где интересы какой-либо из европейских стран отсутствовали, а Китай был все же сравнительно слаб, мы дошли с несказанной быстротой до естественной границы — до Великого океана.

На южном направлении преодоление Кавказского хребта и покорение его свободолюбивого и воинственного населения потребовало с нашей стороны такого напряжения сил, что народный порыв весь ушел на завоевание и закрепление за нами Кавказа, вследствие чего энергия дальнейшего движения была на этом направлении исчерпана. Довольно было небольших усилий со стороны Англии, чтобы мысль о Персидском заливе оказалась выбита из области практически осуществимых задач.

Наконец, в Средней Азии наше движение беспомощно повисло в воздухе; предельной линией наших наступательных операций оказалась Амударья, никогда не бывшая (что для реки, впрочем, естественно) этнографическим

²⁶ Оно было упомянуто в «Новом времени» от 25 сентября 1905 года, в статье «Одно из соглашений с Англией».

рубежом²⁷ и в прошлом служившая границей только для небольших государств, вернее, небольших стран, но никогда для крупных.

Знаменует ли эта неосновательная остановка то, что мы двинемся далее и неминуемо дойдем до Гиндукуша, где, по мнению некоторых, возможна научная граница, или она есть окончательное пресечение наших наступательных операций, сказать трудно. Приходится лишь отметить факт, что для того чтобы нас остановить и повесить в воздухе, оказалось достаточным самого небольшого сопротивления, чисто дипломатического, на деле, быть может, только нами робко предполагаемого.

Считаю теперь своевременным перейти к тому, как толковали англичане и как толкуют и поныне наше юго-восточное наступление: им они занимались гораздо больше, чем китайцы нашим восточным движением.

В своих объяснениях нашего движения англичане исключительно напирают на то, что мы имеем в виду завоевать Индию, что в России живет эта мысль как нечто осязаемое, практически осмысленное, а не как отдаленное лишь мечтание. «Если бы только Россия отказалась от Индии» или «если бы только Россия дала гарантии, что не посягнет на Индию», такие фразы и им подобные встречаются в английской печати с упорной периодичностью. И в настоящее время мы вновь слышим их, как только заходит речь о соглашении между Россией и Англией²⁸. Тщетно наиболее серьезные из англичан, а особенно те из них, которым пришлось побывать в нашем Туркестане²⁹, старались уверить общественное мнение страны, что в России о завоевании Индии думают лишь безусые подпоручики, а не люди, власть имеющие или понимающие дело, что подобное дело слишком трудно, потребует слишком много денег и напряжения, чтобы рискнуть из области мечтаний перенести его на практическую почву, что даже завоевав Индию, русские не сумеют управлять ею и т. д.; повторяю, тщетны были подобные вполне правдивые и разумные голоса, общественное мнение Англии, а особенно Индии в лице живущих там англичан, продолжало страдать «кошмаром русского нашествия».

С целью объяснить наше среднеазиатское наступление появлялись отдельные замечания о стихийности нашего движения, об отсутствии системы в наших наступательных операциях (Керзон), о неизбежности покорения соседних

²⁷ В этом можно убедиться, штудировав исторические труды по Средней Азии, хотя бы В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» (СПб., 1900) или его же «Историко-географический обзор Ирана», или, например, еще популярно изложенный труд: *Hotton J. Central Asia from the Arvan to the Cossack* (London, 1875). У Клавихо, путешественника 1403–1406 годов, находим место, как бы противоречащее нашей мысли (*Narrative of the Embassy of Buy Gonzalez de Clavijo*, by C. R. Markham. London, 1859. P. 119–120), но Клавихо по условиям путешествия был не в состоянии делать широких этнографических наблюдений и мог легко ошибиться относительно Амударьи, как его дальнейшее описание по переходе этой реки и показывает.

²⁸ Английские газеты 1905 года.

²⁹ Укажу на Скрайна (см. его труд выше).

некультурных стран и т. д., но все эти доводы приводились мимоходом, случайно, без особого желания серьезно отстаивать их. Основная мысль всегда была одна и та же: наше юго-восточное движение есть стремление к Индии, и все наши действия или задачи в Средней Азии имеют конечной целью Индию. На этой основной мысли я и остановлюсь.

Какие же были основания подозревать нас в посягательствах на Индию? Ведь подобная мысль, как бы ни держали ее в секрете, должна была пробиваться наружу, ибо такое огромное шило было бы трудно утаить в мешке. Прежде всего несомненно, что такой сложной операции, как поход на Индию, должны предшествовать ряд рекогносцировок, исследований, описательных работ, словом, сложный процесс выяснения обстановки. Разве англичане не имели случая убедиться, и много раз, в резком с нашей стороны неведении? Так, в знаменитом рескрипте *императора Павла* от 12 января 1801 года, в котором атаману Войска Донского Орлову-Денисову предлагалось атаковать самих англичан «там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают», было спутано взаимное положение Бухары и Хивы, и «заведения» английские считались расположенными на реке Индусе, то есть события предупреждались на 150 лет³⁰. Наши экспедиции — Перовского в Хиву в 1839–1840 годах или Ломакина в Ахал-Теке в 1879 году — не удались главным образом потому, что нами предварительно не была серьезно выяснена обстановка.

Знакомо также было англичанам и то обстоятельство, что перед соглашением 1873 года князь Горчаков желал иметь «некоторое представление о географии местности между русской границей и Индией» и на этот предмет получил от президента Лондонского королевского географического общества карту, приготовленную известным в свое время картографом Виллером³¹, и что, кроме того, туркестанское начальство тут же было запрошено относительно некоторых стран, так как о них в Петербурге ничего не знали, то есть поступали по русской пословице «на охоту идти — собак кормить». Не без удовольствия отметили также в свое время англичане слова одного туркестанского генерала, относившиеся к 1878 году, когда русское правительство сформировало три небольших отряда для демонстрации на Индию. «Мы не знали, — откровенно высказался этот генерал, — ни местности, по которой придется идти, ни населения, с которым встретимся».

Наконец, укажу еще на один образчик нашей неосведомленности, тоже, конечно, известный британцам. В Геок-Тепинском музее у станции Геок-Тепе Среднеазиатской железной дороги есть много трофеев, предметов, картин, фотографий, относящихся к Ахал-Текинской экспедиции Скобелева. Среди этих памятников красивой экспедиции едва ли не самым интересным является английская карта с поправками и добавлениями, сделанными рукой самого Михаила Дмитриевича. Злое предание гласит, что британский продукт был

³⁰ Аристов Н. А. Англо-индийский Кавказ. СПб., 1900. С. 3.

³¹ A map of Persia, Afghanistan and Baluchistan, by Mr. Weller. Russia's March. I. 222.

лучшим образчиком среди тогдашнего картографического материала в нашей армии, а по другой версии — даже единственным.

Всякая экспедиция, делающая эпоху, предварительно создается и вынашивается в душе нации каким-то длительным внутренним процессом; производится, в известной мере невольно, много работ, обеспечивающих нации исход предстоящей борьбы; заблаговременно выполняется ряд самостоятельных предприятий, путешествий, рекогносцировок; как грибы вырастают планы кампании — смешные, огромные, краткие, смелые, затяжные. Это мы видим у немцев перед войной 1870–1871 годов, у японцев перед недавно бывшей. Наблюдается ли и наблюдалось ли нечто подобное у нас? Правда, даже Реклю говорит о каком-то искрещивании Афганистана и Персии русскими офицерами Генерального штаба, но что это за искрещивания, да в особенности в Афганистане? Ведь англичане могут пересчитать их по пальцам одной руки. Или наши планы завоевания Индии? Если их и было числом немало, то качество их было одинаково сомнительно: торопливость, гадательность и игра с данными обстановки были отличительными чертами почти всех их. Не говоря уже про план *императора Павла*, план, который, по остроумному замечанию Николая Александровича Аристова, скорее, относится к области психиатрии³², даже последующие планы Чихачева³³, Хлудова, Скобелева вызывают многие замечания.

Таким образом, ни в суждениях нашего общественного мнения, ни в степени нашей осведомленности, ни, наконец, в разуме и глубине наших завоевательных планов англичане не могли найти подтверждений в пользу наших серьезных посягательств на Индию.

Рассмотрю их другие доводы. Изучая прошлое Индии, англичане не обошли того действительно поразительного факта, что она делалась объектом целого ряда нашествий с северо-запада. Таких нашествий было много, с натяжками их можно было бы насчитать до двадцати. Из этих нашествий семь так называемых великих оканчивались покорением почти всей Северной Индии. Представлялась даже возможность вычислить средний период, на который выпадало завоевание Индии, такой период выражается двустами годами, и в начале текущего столетия, по этой своеобразной теории вероятности, нужно ожидать движения России на Индию³⁴.

Насколько подобная законообразность явлений и другие обстоятельства влияли на умы людей и толкали их к предсказаниям «грядущих несчастий», как по этому поводу выразился Реклю, показывают многие примеры. Так, Мирабо еще в 1786 году высказал мысль, что русские войска могут со временем сделать вторжение в Индию через Центральную Азию и что этим путем Россия,

³² Доклад в Обществе востоковедения 5 октября 1905 года «Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 год». СПб., 1906. С. 60.

³³ См.: Сборник материалов по Азии. Вып. XXIII.

³⁴ Подобными расчетами увлекся даже Роулинсон на странице 200. См. ниже ссылку на его труд.

угрожая Англии, произведет полный переворот в системе европейской политики³⁵. Подобное же нашествие предсказывают также Толстой и многие другие видные мыслители. Покойный Абдуррахман, несомненно, под влиянием изучения тех же бесчисленных вторжений в Индию, глубоко верил в желание России последовать примеру великих завоевателей. «Все было бы хорошо, если бы Россия не хотела овладеть Индией, но она хочет этого», — говорит эмир в своей автобиографии³⁶. Подобное убеждение было у него столь крепко, что легло краеугольным камнем всей его политики. Можно прибавить еще, наконец, что как во всей Средней Азии, так и особенно среди туземцев Индии живет поверие, что в будущем избавление этой страны придет с севера...

Ничего нет мудреного, что и на англичан подействовало это полустихийное, полумистическое верование. По крайней мере, некоторыми из наиболее ярких русофобов горячо отстаивалась мысль о повторности нашествия на Индию и о России³⁷ как ближайшем исполнителе грозных велений истории. Британцы внимательно изучали пути великих завоевателей, этапы их движения, схемы расширения и углубления базы, и с дерзостью, а может быть, и бредом разнервничавшихся доктринеров старались предусмотреть пути, остановки и характер будущих действий нашей родины.

Несомненно, в факте многократного нашествия на Индию имеется много поучительного и вызывающего на размышление; эта особенность естественно должна была обращать на себя внимание как чуткого европейского мыслителя, так и азиатского фаталиста и вести как того, так и другого к разного рода гаданиям. Но какое же дело до всего этого практической политике? Ее дело — комбинировать реальные, осязательные факты, находить аналогии крепкие и делать расчеты, подобные по точности торговым. Ведь и в засухах, посещающих Индию, наблюдается некоторая периодичность, а между тем что бы сказали про того вице-короля, который, поджидая засуху на основании подобного гадательного распорядка явлений, заранее прибегнул бы к каким-либо практическим приемам? Ведь слова «фантазер» или «сумасшедший» были бы еще одними из самых мягких прозвищ, какими одарило бы его общественное мнение.

³⁵ Histoire secrète de la Cour de Berlin. Ouvrage posthume, tome premier. 1789. Lettre XXIX (26 Septembre 1786). P. 218–223. Из всех гигантских проектов России проект похода на Индию автор называет наименее неразумным (le moins déraisonnable).

³⁶ Особенно ярко выразил свою мысль эмир на страницах 270–274 второго тома своей автобиографии (The life of Abdur Rahman. London, 1900).

³⁷ В одной очень интересно написанной книге The Rival Powers in Central Asia (Popowski. West-mister, 1893; перевод с немецкого) проводилась мысль о расовой аналогии между Россией и странами Востока. Преобладание *азиатской* крови в руководящем классе населения нашей родины служило для автора объяснением, почему в России мечтают о завоевании Индии. Это было повторением того импульса, присущего азиатской крови, который раньше вызывал многократные нашествия на Индию (см. с. 69).

Затем, ведь самого факта периодичности нашествий мало. Надо констатировать аналогичность мотивов, культур, исторических моментов и т. д. между державами прежних завоевателей и Россией, чтобы притянуть последнюю к их числу. Да и сам вывод вероятности, будь даже он справедлив, расширяет период возможного нашествия от 30 до 230 лет, а это одно обстоятельство лишь приводит гипотезу всякого практического смысла.

Остановлюсь еще на одном приеме англичан — обвинить нас во что бы то ни стало в посягательствах на Индию. В 1868 году сэром Роулинсоном был подан консервативному статс-секретарю по делам Индии меморандум, в котором автор ввиду угрожающих Индии успехов России настаивал на необходимости занятия Кветты, учреждении британского резидентства в Кандагаре и т. п. В этом замечательном документе³⁸ было между прочим приведено, так сказать, военно-географическое доказательство в подтверждение наших затаенных целей.

«Если набросить на карту Азии, — говорит Роулинсон, — следы движения русских в отдельные периоды, то каждого поразит сходство этих движений с операциями армии, ведущей параллели против осажденной крепости. Первая параллель может быть отнесена к концу сороковых годов; она тянулась от северного края Каспийского моря Оренбургской и Сибирской линиями, севернее общей степи, к Иртышу. Стратегически эта линия может рассматриваться только как наблюдательная линия».

«Второй параллелью, которая должна представить собою демонстративную линию, будет готовяемая ныне³⁹ Россией граница; она протянется от Красноводского залива к Амударье, в пункте на юге Хивы и отсюда вдоль Амударьи до Памира». Эта параллель будет выдвинута «на 1500 верст» против первой.

«Третья параллель как естественное следствие предшествующих операций должна будет пойти от Астрабада в юго-восточном углу Каспийского моря, вдоль персидской границы к Герату и отсюда по нагорью Газары к Пянджу (Оксусу) или, что также возможно, через Кандагар к Кабулу. Утвердившись на такой линии, Россия добьется несокрушимой позиции».

Во всем этом винегрете, сделанном из военной, политической, географической и других приправ, мог разобраться, вероятно, только сам ныне покойный автор; удивительнее всего, что эта белиберда произвела в свое время большое впечатление на общественное мнение Англии. Игра с военной терминологией и полная беспорядочность в ее применении могут сбить человека, даже внимательно штудирующего роулинсоновские параллели. Не забавно ли наблюдать за Индией с наших старинных «линий» или демонстрировать с линии Красноводск — Амударья? И причем тут какое-то случайное подобие (чисто внешнее, графическое) параллелей, когда содержание настоящих и роулинсоновских

³⁸ Он после, вместе с другими статьями того же автора, был опубликован в классической книге *England and Russia in the East*.

³⁹ То есть около конца семидесятых годов.